

---

---

Михаил ЛИДОГОСТЕР

## «ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПЯТЬ»

### Рассказ

В окне автобуса мелькнул синий дорожный указатель, и стало понятно, что мы почти на месте. Спустя несколько секунд водитель сбавил скорость и свернул с трассы. Нас окружил густой осенний лес, непроглядный, с рваными клочьями тумана в высокой траве. Но вскоре лес отступил, и мы заехали на круглую асфальтированную площадку. Там автобус скрипнул тормозами и остановился.

— Фу-ф, — выдохнул Меир, потягиваясь в кресле. — Жутко отлить хочется, — он посмотрел на меня. — А ты как?

— Пока вроде нормально, — соврал я.

— А меня просто разрывает. Все из-за пива.

Я молча кивнул.

— Да, не стоило так накидываться.

С пивом мы действительно погорячились. Торчать в московских пробках с переполненным мочевым пузырем — то еще удовольствие. Но открывая перед посадкой бутылки, мы, конечно, об этом не думали.

Народ с задних рядов начал протискиваться к выходу, а мы, вытянув шеи, уставились в окно. Отчасти из любопытства, отчасти в поисках туалетной кабинки. Ее, к слову, нигде не было видно.

Метрах в двадцати от автобуса дорога плавно сворачивала в лес. По обе стороны от нее стояли покосившиеся кирпичные колонны, выкрашенные в светло-зеленый цвет. Глядя на них, я представил компанию полупьяных дембелей, подпирающих стены какого-нибудь сельского клуба в российской глубинке.

По обе стороны от колонн начинался дощатый забор. Установленные между колонн ворота (тоже светло-зеленые) были распахнуты. При взгляде на них меня охватило ощущение, будто я перенесся в тридцатые годы прошлого века.

— Дичь, — сказал Меир. — Несколько километров от Москвы, а ощущение будто заехал в Кимры. Неужели нормальный забор нельзя поставить?

— Может, так они пытаются сохранить... — я на секунду замолчал, подбирая слова, — атмосферу времени?

Меир с интересом посмотрел на меня. По его взгляду я понял, что эту мысль нужно разъяснить.

— Ну, представь себе... Допустим, где-нибудь в Аушвице... Не лучшее, конечно, сравнение... Но... забор из профлиста.

— Не к месту он, да.

---

Михаил Георгиевич Лидогостер родился в 1978 году в Москве. Окончил Государственный университет гуманитарных наук по специальности «Политология». Работал журналистом, редактором, менеджером по связям с общественностью, пресс-секретарем. Публиковался в журналах «Новый берег», «Артикль», «Дружба народов». Живет в Израиле.

— Там все осталось, как есть. Вернее, как было. И здесь, наверное, та же идея. Ничего не трогать. Это и звучит-то даже дико — модернизация расстрельного полигона.

— Согласен, — кивнул Меир. — А ты там был? В Аушвице?

— Был. Один раз.

— И что?

— Домики поразили.

— Домики?

— Ну да, вплотную к лагерю. Аккуратненькие такие. С ухоженными лужайками. Они и тогда там стояли, домики эти. За забором — ад, а вплотную к нему — ровные газоны, яблони плодоносят, — я помолчал, вспоминая ту поездку. — Знаешь, на что хозяева жаловались?

— На что?

— На то, что пепел им сушить белье мешает. Пачкает простыни. Мол, усовершенствуйте как-то процесс. Фильтры поставьте.

Меир покачал головой.

— Теперь их дети там живут, — сказал я.

— Тоже, наверное, чем-то недовольны?

— Наверное. Может, туристами. Шумят сильно.

Несмотря на желание отлить, мы так заболтались, что вышли из автобуса последними.

Воздух пах сыростью и прелыми листьями. Лес застыл в предчувствии дождя. Все вокруг подсказывало, что он вот-вот начнется: низкие тяжелые тучи, притихшие птицы и далекие, но отчетливые раскаты грома.

Завидев Игоря, нашего экскурсовода, мы спросили его про туалет, а когда вернулись, все уже собрались вокруг Эфраима, высокого, худощавого раввина с полуседой бородой.

— Как вы, наверное, знаете, накануне Рош а-Шана<sup>1</sup> принято посещать могилы близких, наводить там порядок, — сказал он, внимательно оглядывая нас. — Но это место особенное... Мы не знаем, где захоронены те, ради которых мы сюда пришли. Здесь все лежат вместе. И палачи, и их жертвы. И разобраться, где чья могила, нельзя.

Его слова повисели в холодном воздухе и медленно осели у нас в душе.

— Обычно каддиш<sup>2</sup> по умершим читают в течение года после смерти, — продолжил он. — Но боюсь, по тем, кто лежит в этой земле, его не читали никогда. Поэтому мы сегодня здесь. И сделаем исключение. Прочтем и каддиш, и псалмы. Так что спасибо всем, кто согласился дополнить миньян<sup>3</sup>. Не будь тут хотя бы одного из вас — я имею в виду парней — вся эта поездка не имела бы смысла.

В кронах деревьев зашумел ветер. Стая ворон сорвалась с веток и, громко каркая, перелетела в глубь полигона.

— Ну вот, — толкнул меня Меир. — Не поехал бы, и обломал всех.

Я хотел что-то возразить, но в итоге решил промолчать. В конце концов, одно потраченное воскресное утро стоило того, чтобы лучше понять историю страны, где я родился и вырос.

— В Талмуде сказано, что каждый человек — это целый мир, — раввин покачал головой. — И тот, кто лишает кого-то жизни, разрушает целый мир... Известное выражение. Вы наверняка его слышали.

<sup>1</sup> Рош а-Шана — один из наиболее важных еврейских праздников (букв. «голова года»), Новый год, который приходится обычно на сентябрь или октябрь.

<sup>2</sup> Каддиш — имеется в виду «каддишйатом» — поминальная молитва, воспевающая величие Творца.

<sup>3</sup> Миньян — группа не менее чем из десяти еврейских мужчин старше тринадцати лет. Минимальный кворум, необходимый для публичного богослужения.

Все молча закивали.

— Оно учит нас тому, что жизнь любого человека бесценна. Ведь другого такого нет. И не будет, — лицо Эфраима приняло какое-то отстраненное выражение. — Но сегодня я хотел бы напомнить вам о судьбе раввина Гурарье. Главного раввина Москвы и, неформально, всего Союза. В тридцать восьмом году он был арестован и расстрелян. Это произошло здесь, — Эфраим кивнул в сторону забора. — За этими воротами.

Никто не нашелся что ответить. Экскурсовод, по-видимому устав от нас, отошел в сторону и закурил. Дым от его сигареты напомнил мне запах горелых листьев — в детстве дворник сгребал их в кучи и поджигал. И они тлели так целыми неделями, пока не вымокали насквозь под холодным осенним дождем.

\* \* \*

Наша небольшая группа медленно продвигалась вперед. Эфраим и Игорь шли впереди, мы — в небольшом отдалении от них. Парней было ровно столько, сколько требовалось для миньяна, девушек заметно больше. Им, судя по разговорам, было любопытно побывать на необычной экскурсии. Время от времени в общине анонсировали поездки по еврейской Москве, но поехать на расстрельный полигон предложили впервые.

Возле ворот мы ненадолго остановились. Наше внимание привлекла стальная табличка на одной из колонн. Надпись на ней гласила:

«В этой земле лежат тысячи жертв политического террора 1930—1950-х годов. Вечная им память!»

За уголок таблички кто-то положил пару гвоздик.

Мы прошли через центральные ворота и огляделись. Первое, что бросилось в глаза, — желтый поклонный крест над грудой валунов. В памяти тут же всплыла ассоциация с Соловками. Внезапный порыв холодного ветра усилил это впечатление.

— В этой земле лежат представители разных национальностей, — пояснил экскурсовод. — Но в тысяча девятьсот девяносто девятом году территория полигона была передана в ведение Русской православной церкви.

Молча обойдя крест, мы двинулись дальше.

— С конца двадцатого года прошлого века тут располагалась дача наркома Ягоды, — Игорь докурил и бросил окурочек на мокрый асфальт. — После его ареста дачу передали НКВД. Ягода превратился во «врага народа», а дачу переоборудовали под полигон. Примечательно, что инициатором процесса выступил Ежов, — экскурсовод помолчал, словно хотел удостовериться, что мы понимаем смысл сказанного. — Преемник Ягоды.

Я попытался представить, что мог чувствовать человек, чей росчерк пера еще вчера обрекал на смерть любого неугодного, когда сам попал под арест? Верил ли, что удастся избежать смерти? Или изначально понимал, что это конец? Наверное, все же на что-то надеялся, раз не приставил к виску пистолет. Так как лучше других знал, что его ждет. А может, все произошло так стремительно, что он просто не успел. Ведь арестовывать его, судя по словам Игоря, пришли бывшие подчиненные. Мог ли нарком знать, что на этот раз пришли за ним?

— Все тела сбрасывали в один котлован? — прервал мои размышления Меир.

— Нет, — ответил Игорь. — Котлованов было более ста. По некоторым данным, около ста тридцати. Расстрелянных — более шести с половиной тысяч.

Неприветливый лес беззвучно поглотил его слова.

Наверняка многие из этих деревьев были свидетелями того, что здесь происходило, подумал я. И их дрожащие ветки стали последним, что видели те, кто ложился в эту землю.

— Площадь территории объекта — около двадцати гектаров, — продолжил Игорь. — Большинство захороненных — верхушка партийной элиты: военачальники, дипломаты, директора заводов, ученые, инженеры, редакторы газет. Участь многих из них разделили близкие — жены, родственники. Среди погибших также немало и обыкновенных советских служащих: врачи, библиотекари, учителя.

— Интересно, к кому теперь чаще ходят? — спросил я.

— Такой статистики вам никто не предоставит.

— А жаль.

— Да, — поджав губы, сказал Игорь. — Интересное получилось бы исследование.

Я обратил внимание, что, кроме нас, посетителей на полигоне почти нет. Лишь изредка встречались одинокие прохожие, больше похожие на чьи-то заблудившиеся тени. Оставалось только гадать, что привело их сюда. По их обращенным внутрь себя взглядам сказать это было невозможно.

— В восемнадцатом году здесь открыли Стену памяти. На ней перечислены имена всех, — на этом слове Игорь сделал ударение, — захороненных здесь людей. Вне зависимости от наличия или отсутствия реабилитации.

— Ягода тоже в списках? — поинтересовалась девушка из группы.

Игорь кивнул:

— Да.

По лицу девушки пробежала тень, но уточнять свой вопрос она не стала.

— По поводу стены в обществе было много дискуссий, — сказал Игорь. — Не всем понравилось, что в списках имена палачей соседствуют с именами жертв.

— Было? — переспросил я.

— Да. Сейчас немного утихло.

— Это хорошо или плохо?

— Хороший вопрос...

Я решил сменить тему:

— Много экскурсий в день проводите?

— Когда как. День на день не приходится.

— А кто чаще всего сюда приходит? В смысле, что за люди?

— По-разному. То школьники со студентами. Вроде вас. То старики. Делегации разные. Международные тоже бывают. Тут похоронены граждане разных стран: Франции, Германии, Польши. Из бывшего Союза тоже много погибших.

Шурша опавшими листьями, мы медленно шли вперед. Все как-то незаметно перешли на шепот. По дороге мы набрали на несколько мемориальных стел, посвященных жертвам репрессий, но подолгу возле них не останавливались.

В глубине полигона лес стал гуще. В просветах между стволами буйно разросся кустарник. Из-за этого создавалось впечатление, будто находишься в старом заброшенном парке, за которым перестали ухаживать очень давно.

Следующую остановку мы сделали у выстроенных в ряд стендов с именами расстрелянных.

— Стена памяти, — пояснил Игорь. — Пришли.

Группа остановилась. Сами собой прекратились разговоры. Кто-то делал фотки. Кто-то (включая меня) молча глазел по сторонам. Было необычайно тихо. Только где-то в вышине слышался далекий гул самолета.

— Имя раввина Гуарье есть в списках? — спросил Эфраим.

— Разумеется, — ответил Игорь.

Эфраим подошел к стендам, внимательно взгляделся в список имен. Прошло несколько минут, прежде чем он нашел то, что искал. За это время самолет улетел так далеко, что мы перестали его слышать.

— Вы не против, если мы прочтем поминальную молитву? — спросил Эфраим.

— Конечно, — ответил Игорь. — Разумеется.

Он снова закурил и отошел в сторону.

Несколько долгих секунд мы вслушивались в тишину. Затем Эфраим вздохнул и сказал:

— Пожалуйста, отвечайте «амен».

\* \* \*

Когда слова молитвы стихли, Игорь сказал:

— Ну, мы закончили. На самом деле, конечно, тут можно часами рассказывать о каждой тропинке. Но у вас, насколько я понял, мало времени.

Эфраим посмотрел на часы.

— Все верно. Нам пора возвращаться.

— Тогда я с вами прощаюсь. У меня через полчаса еще одна группа. Нужно немного подготовиться. Приятно было познакомиться.

— И нам. Спасибо!

После ухода Игоря у меня возникло ощущение, будто мы потеряли проводника и теперь никогда не выберемся из этого сырого, темного леса.

— Я еще постою здесь, — обратился к нам Эфраим. — Кто хочет, может еще побродить по территории. Кто устал — можно идти к автобусу. Я скоро буду. Общий сбор через пятнадцать минут.

Меир толкнул меня в бок.

— Ну что, двинули?!

Его слова вывели меня из какого-то сонного оцепенения, в которое я незаметно для себя погрузился.

— Ты иди.

— А ты что?

— Останусь еще.

— Ладно, жду в автобусе.

Группа начала расходиться. Сначала ушли девушки, потом парни. Я не заметил, как остался наедине с Эфраимом.

— А ты почему не ушел? — спросил он, перелистывая страницу псалмов.

— Не знаю.

Я действительно не знал. Никакого рационального объяснения у меня не было.

Эфраим посмотрел на меня. Затем его взгляд немного смягчился, и он спросил:

— Хочешь, почитаем еще теилим вместе?

— Я медленно читаю на иврите. Лучше просто послушаю.

— Как скажешь.

Эфраим погрузился в чтение. А я стоял и слушал, как тихие, отполированные временем слова срываются с его губ и тают в воздухе. В какой-то момент я почувствовал, что сейчас лучше оставить его одного. Наедине с этой истерзанной землей и неприступным небом. Стараясь не шуметь, я развернулся и медленно побрел по тропинке.

На сосновых иголках висели мелкие капли воды. Птицы по-прежнему молчали. До моего слуха доносились только приглушенные голоса студентов, которые шли где-то впереди.

За очередным поворотом я заметил, что к стволам некоторых деревьев прикреплены (где проволокой, где скотчем) старые черно-белые фотографии.

Видимо, это такая стихийная форма поминовения близких, пронеслось в голове. Лишенные возможности найти могилу, родственники погибших пытаются хоть как-

то обозначить место, куда можно приходить. Все лучше обезличенного рва, который уже давно сровняли с землей.

От взгляда на эти фотографии мне стало не по себе. И появилось жутковатое ощущение, будто за мной наблюдает множество неморгающих глаз. Чтобы избавиться от него, я свернул с главной дороги и стал держаться ближе к забору.

Местами масляная краска на досках потрескалась и пошла пузырями. Порой встречались примитивные граффити, сделанные черным фломастером или ручкой. Судя по свежим пятнам новой краски, все эти попытки народного самовыражения оперативно ретушировались руководством объекта.

Проходя мимо очередной такой галереи, я заметил одинокую девушку. Она стояла в некотором отдалении от меня и всматривалась в чье-то лицо на фотографии. Не обращая на меня внимания, девушка прошептала какие-то слова и перешла к другим деревьям. У меня сложилось впечатление, будто она ищет кого-то, но никак не может найти.

На вид ей было лет двадцать пять. Ростом немного ниже меня. Точеная, женственная фигура. Темные пряди волнами сбегают на хрупкие плечи. Одета в черное приталенное пальто, которое выглядит немного старомодным, но на ней смотрится актуально и даже подчеркивает индивидуальность.

— Привет, — сказала она, подняв на меня взгляд.

— Привет, — ответил я.

У нее были умные, выразительные глаза насыщенного табачного цвета.

— Не напугала тебя?

— Если только самую малость.

По ее губам скользнула улыбка.

— Извини. Засмотрелась на эти фотографии, — она поправила сумку на плече. — Сложно поверить, что все это было по-настоящему, да?

Я кивнул.

— Сложно.

Где-то недалеко от нас послышались глухие раскаты грома. С минуты на минуту должен начаться дождь.

— Дина, — представилась она.

— Артем.

— Красивое имя, — сказал я.

— В честь бабушки.

Ее надломленный, будто простуженный голос совсем не вязался с внешностью.

— Не обращай внимания, — словно прочитав мои мысли, сказала она. — Это у меня с детства. Неудачная операция на глазах.

— Тебе даже идет.

— Да ну, брось.

— Нет, серьезно. Приехала с группой? — поинтересовался я.

— Да. Шла обратно, но увидела эти деревья с фотографиями и захотела рассмотреть их поближе.

— Жутковато, правда?

Дина пожала плечами.

Не бывать тебе в живых,  
Со снегу не встать...

Я с интересом посмотрел на нее.

Двадцать восемь штыковых,  
Огнестрельных пять.

- Что это?
- Ахматова.
- Надо же...

Горькую обновушку  
Другу шила я.  
Любит, любит кровушку  
Русская земля.

Эти слова прозвучали как заклинание.

- Ощущение, что написано сейчас.
- Потому что ничего не меняется. На самом деле — почти сто лет назад.
- История ходит по кругу.
- По спирали, — Дина спрятала ладони в карманы пальто. — Иногда я думаю, откуда она могла знать про «пять»?

Я не понял, что она имеет в виду, поэтому переспросил:

- Что за «пять»?
- Рекомендуемое количество выстрелов при высшей мере.
- Это правда?
- Устная разрядка. Чтобы наверняка. Документально нигде не подтверждена. Нашла в архиве упоминания об этом. А когда увидела у Ахматовой — сразу вспомнила.

— Может, просто совпало?

— Может. А может, и нет.

— Интересно, почему пять? Не три, не семь, не десять?

Дина задумалась.

- Кроме пентаграммы, ничего в голову не приходит.
- Хм... — я представил себе рубиновые звезды кремлевских башен. — Интересно.
- Поэт в России всегда немножко пророк. Пусть даже сам этого не понимает. Хотя, может, она ни о чем таком и не думала. Просто понравилось сочетание цифр.

— А у тебя сборника Ахматовой не осталось?

— Не помню, нужно посмотреть.

— А «ножевые» тогда что значат?

— Понятия не имею...

— Слушай, — я с опаской посмотрел на наливающиеся свинцом тучи, — а какие у тебя планы на вечер? Может, попьем кофе где-нибудь?

— Если честно, я дико тороплюсь.

— Может, я провожу?

Дина постучала сапожками друг о друга, стряхивая с них налипшие комья мокрой земли.

— Как-нибудь в другой раз. За мной уже и такси подъехало.

Над нашими головами зашумели клены. Ветер срывал с них последние листья и устилал ими аллею.

— Извини, — кутаясь в воротник пальто, сказала она. — Просто мне действительно пора.

— Конечно, — как можно безразличнее бросил я. — Увидимся.

\* \* \*

Водитель автобуса вырулил на шоссе и переставил дворники на ускоренный режим. Иначе разглядеть дорогу было просто невозможно.

— Вот зарядило-то, — буркнул он, перекатывая в губах незажженную сигарету.

От косых струй дождя на лужах вздулись пузыри. Подхватывая на своем пути разный мусор, к ливневым стокам устремились потоки мутной воды. Прохожие прятались под зонтиками, менее предусмотрительные укрывались от тяжелых капель кто чем: пакетами, папками, накинутым на голову капюшоном.

— Дина? — переспросил меня Меир.

— Да.

Он удивленно повел бровями.

— Не знаю.

— Ну как? В черном пальто. Немного старомодном. Ты ведь всех записывал?! Брюнетка такая. Яркая.

Он откинул голову на спинку сиденья и зевнул.

— Ну, записывал. И что. Может, она пришла с кем-то? Кто-то из группы позвал, а мне не сказал.

— Так бывает?

— Да обычная история. Студенты же.

Я замолчал.

Город за окном вымок насквозь. Но сидя в сухом салоне, наблюдать за разгулом стихии было даже приятно.

— Может, кинешь в группу объявление? — спустя какое-то время предложил я.

На лице Меира растянулась довольная улыбка.

— Как тебя зацепило-то.

— Так напишешь?

— Прямо сейчас, что ли?!

\* \* \*

Сумерки еще не сгустились, но где-то в уголке небес уже проявились первые тени — предвестники наступающей ночи.

Дождь немного ослаб, но появилось ощущение, что он будет лить вечно. По крайней мере, до тех пор, пока реки не выйдут из берегов и не затопят все вокруг: дома, улицы, магазины.

— О чем задумался? — Ольга неслышно подошла сзади и положила руки мне на плечи.

— Так, — вполоборота ответил я. — Ни о чем.

— А что у тебя с голосом? Ты как будто простужен.

— Да?! Вроде все нормально.

— Хм. Странно, — она приложила ладонь к моему лбу. — Температуры нет. Может быть, чай заварить?

— Нет, спасибо. Не хочется.

Ни есть, ни пить и впрямь не хотелось. Будто все процессы в организме замедлились, и только мысли лихорадочно метались с темы на тему.

На улице похолодало — морозящий дождь смешался с мокрым снегом. Полупрозрачные хлопья едва успевали долететь до земли и тут же таяли. Несмотря на то, что

уже включили отопление, я невольно поежился, глядя на пейзаж за окном: голые ветки тополей, опустевший двор, глубокие лужи с желтыми листьями на дне.

В душу незаметно прокралась беспричинная осенняя тоска и холодом разлилась по венам.

Словно почувствовав этот холод, Ольга спросила:

— Что-то случилось?

— Да нет. Просто устал.

Она замолчала. Тишина поглотила все звуки в комнате. Только из-за неплотно закрытого окна доносился едва различимый шум капель.

— Из Австрии пришел ответ, — спустя некоторое время сказала Ольга. — Меня приняли.

Я повернулся к ней.

— О, здорово. Поздравляю!

— Спасибо, — поджав губы, ответила она.

— Ты не рада?

— Рада, конечно.

— Но?

— Но колледж — это три года.

— Ты говорила, два с половиной.

— Да какая разница?! За это время люди расходятся, даже если живут в одном городе.

— Мы ведь уже говорили об этом.

— Да. Говорили, — ее взгляд стал каким-то рассеянным. — Просто, если честно, я не верила, что пройду.

— Понимаю.

— Серьезно?!

— Ну... Ты же всегда можешь отказаться.

Ольга посмотрела на меня так, будто я разговаривал с ней на каком-то иностранном языке.

— Ну, откажусь. И что дальше?

— Не знаю. Это ведь ты уезжаешь, а не я.

Она снова замолчала.

— Если ты ждешь, что я стану тебя останавливать, то не стану, — сказал я. — Не хочу, чтобы ты потом винила меня в том, что я сломал тебе карьеру.

— Боже, Тема, какой ты заботливый!

— Нам обязательно ругаться, когда мы обсуждаем это?

Ольга вздохнула и отвела взгляд.

— Ты прав. Необязательно. А вот от горла что-то выпить просто необходимо. Тащи-ка коробку с лекарствами.

\* \* \*

Через полторы недели Ольга уехала. Я хотел проводить ее в аэропорт, но она отказалась. Сказала, что доберется сама. По тону я понял, что уговаривать ее бессмысленно.

Все это время дождь то прекращался, то начинал лить с новой силой. Я настолько привык к нему, что уже не обращал внимания на редкие солнечные просветы в низком октябрьском небе.

Как, интересно, не намокают фотографии на полигоне? — думал я. — Наверное, их как-то защищают от влаги — ламинируют или что-то вроде этого. Иначе все размокло бы за день.

Посередине недели я позвонил Меиру. Он сбросил вызов, но отправил сообщение: «На встрече. Не могу говорить. Пиши».

Я вздохнул и посмотрел в окно. На улице уже стемнело. Зажглись фонари. По стеклу медленно стекали струйки воды. Они напоминали ярких разноцветных ящериц, которые скрываются из виду, стоит только обратить на них внимание.

«Удалось что-то узнать насчет той девушки?» — написал я.

Ответ пришел через пару минут:

«Пока нет. Все молчат».

Из приоткрытой форточки повеяло сыростью. Мне нравился этот запах, в котором горечь опавших листьев смешалась с криками перелетных птиц.

Отправив Меиру грустный смайлик, я в который раз просмотрел соцсети в надежде найти профиль Дины. Все безрезультатно. Без фамилии — это был поиск иголки в стоге сена. Тогда я начал просматривать фотоальбомы молодежных программ при общине, но там было так много фоток, что понадобился бы целый IT-отдел, чтобы проверить их все.

Похоже, Дина соврала мне, что приехала на полигон в составе группы.

Но зачем?

Я отложил телефон и налил воды. Залпом выпил стакан, открыл окно и уставился на улицу.

Свет от фонарей отражался в лужах, отчего казалось, что их поверхность покрыта масляной пленкой. Вдалеке в желтом тумане высилась стена многоэтажек. Сотни горящих окон подсвечивали облака призрачной электрической дымкой. Глядя на нее, я вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Похоже, ветер с расстрельного полигона открыл в моей душе какую-то потаенную калитку, о существовании которой я даже не подозревал. И теперь, стоя около нее, оставалось только гадать — для чего она распахнулась передо мной?

\* \* \*

Устав от бесконечных внутренних диалогов, я с головой ушел в работу. Это всегда помогало. Но в этот раз я то и дело ловил себя на мысли, что прокручиваю в памяти разговор с Диной. Обычные методы не срабатывали. Я отсиживал в офисе положенные часы, пытался сосредоточиться на деталях, но мысленно все равно возвращался к тому дню, когда увидел ее.

Как-то в обед я зашел в небольшую пиццерию рядом с работой. Не чувствуя аппетита, съел пару ломтиков. И, потягивая колу со льдом, стал разглядывать в окно случайных прохожих.

Людской поток медленно двигался по улице. До часа пик оставалось еще много времени. Никто не толкался и не обгонял впереди идущих. Иными словами — нетипичная для Москвы картина.

В какой-то момент я осознал, что в калейдоскопе лиц ищу только одно. И, понимая ничтожность шанса, продолжал всматриваться в толпу.

Я просидел в пиццерии еще четверть часа. А после — с удивлением обнаружил, что изжевал пластиковую соломинку для колы. И изорвал в мелкие клочки с десяток ни в чем не повинных салфеток.

Ко мне подошел официант.

— Будете еще что-то заказывать?

— Нет. Спасибо.

Он молча сгреб клочки салфеток со стола.

— Ждете кого-то?  
Я рассеянно посмотрел на него.  
— Нет. Просто задумался.  
Нужно, конечно, выкинуть эту историю из головы.  
Я расплатился и оставил чаевые. Затем вернулся в офис и просидел там до поздней ночи.

\* \* \*

— Про Рош а-Шана не забыл? — в голосе Меира звучало столько оптимизма, что каким-то образом его настроение передалось и мне.  
— Спасибо, что напомнил. А то я немного выпал из жизни.  
— Придешь?  
— Постараюсь.  
— Давай. Весь мир на весах.  
— Угу.  
— Как пел Коэн, «who by water, who by fire».  
— Я приду.  
— Отлично.  
Помолчав, я спросил:  
— Ничего там нового?  
— Ты о той девушке?  
— Ну да.  
— Я пробил по нашей базе. Есть несколько студенток с таким именем. Но на ту экскурсию никто из них не ездил.

\* \* \*

В большом торговом центре было полно народу, но в книжный на втором этаже мало кто заглядывал. Я зашел, покрутился у стендов с новинками. Прочитал несколько аннотаций. Мне нравилось быть здесь: вдыхать запах типографской краски, перелистывать шуршащие страницы, бродить по книжным лабиринтам. Еще мне нравилась царящая в магазине тишина. Редкие посетители старались не шуметь, говорили вполголоса, хотя никто таких правил не устанавливал. Видимо, сама атмосфера книжного так влияла на людей. Я с трудом представляю себе пару, которая шепчется, выбирая новый пылесос или диван. А тут почему-то это воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

— Что-то ищете? — спросила меня девушка-консультант.  
— Да, — ответил я, переводя на нее взгляд. — Ахматову.

\* \* \*

Когда я добрался до стихов, которые прочитала Дина, то будто снова услышал ее голос. Он эхом отозвался во мне и оживил картинку — покачивающиеся на ветру сосны и черно-белые портреты погибших. Интересно, кого она искала среди них? Кого-то конкретного? Или просто бесцельно всматривалась в лица? Что ни говори, странное занятие для молодой девушки.

Я вскипятил воду, заварил чай и бесцельно уставился в пространство.

Прошло невообразимо много времени. На самом деле нет — я посмотрел на часы. Не более пятнадцати минут. Даже чай не успел остыть.

Сделав несколько глотков, я закрыл книгу. Она ничего не дала мне. Я перечитал сборник стихов за двое суток, но он ни на шаг не приблизил меня к Дине.

Никаких ниточек от меня к ней не протянулось. Ничего не поменялось.

Только в глубине подсознания неслышно шевельнулась какая-то тень.

\* \* \*

Настал канун Рош а-Шана. Я предупредил начальника, что пару дней не буду на связи, сложил в рюкзак необходимые вещи и поехал к Меиру. Он жил возле Бронной<sup>4</sup>, поэтому на праздники я иногда останавливался у него.

На вечерней молитве было не протолкнуться. Лица прихожан светились улыбками. В воздухе разливалась атмосфера праздника. Все поздравляли друг друга, обменивались рукопожатиями и добрыми пожеланиями.

В молельном зале мы встретили Эфраима, раввина, который был с нами на полигоне.

— Хорошего и сладкого года, — сказал он. — Пусть Всевышний запишет вас в книгу жизни!

— Спасибо, — в один голос ответили мы. — Хорошей записи и печати!<sup>5</sup>

— Дай Бог, чтобы в следующем году вы пришли сюда уже не одни! Чтобы каждый нашел свою половинку!

— Ох, — вздохнул Меир. — Амен.

Я молча кивнул. Мысли против воли вернули меня на полигон. В памяти снова ожил короткий диалог с Диной.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросил Эфраим.

— Да, — ответил я. — Все отлично.

Поспешность ответа заставила раввина пристальнее всмотреться в мои глаза. Пауза, возникшая вслед за тем, вобрала в себя все его невысказанные вопросы.

Ближе к вечеру начался банкет. Застолье затянулось допоздна, и дома мы оказались только после полуночи.

— Как у тебя с Ольгой? — спросил Меир, заваливаясь на диван.

— Никак, — ответил я. — Ей учиться три года. Ни у кого нет иллюзий по этому поводу, — усевшись в кресло, я устало вытянул ноги. — Ни у нее, ни у меня.

— Жалеешь?

— Ну... Это ее выбор.

— Но общаться продолжаете?

— Так, — я повел плечами. — Переписываемся иногда. По инерции.

Мы проболтали до середины ночи, выпили несколько бутылок пива и разбрелись по комнатам.

Сон долго не шел. Не зная, чем заняться, я молча рассматривал пляшущие на потолке тени и заснул только перед рассветом, когда они отползли к окну.

\* \* \*

Утреннюю молитву мы, разумеется, проспали. Но оставался еще шанс услышать шофар<sup>6</sup>. Мигом собравшись, мы вышли (вернее, убежали) из дома. Вымокший город выглядел декорацией к какому-то неонуарному детективу. Воздух пах грозовой све-

<sup>4</sup> Имеется в виду синагога на Большой Бронной улице в Москве.

<sup>5</sup> Считается, что во время Рош а-Шана Творец выносит решение относительно всего мира, записывает его и скрепляет печатью.

<sup>6</sup> Шофар — ритуальный духовой инструмент, сделанный из рога кошерного животного (обычно барана или горного козла). В него трубят весь месяц элуль, предшествующий Рош а-Шана, в сам праздник и в Йом Кипур.

жестью. Лужи вдоль обочин покрылись тонкими ледяными корками. В них, словно в треснувших зеркалах, отражались низкие мгlistые тучи.

Проходя мимо Патриарших, я невольно подумал о Булгакове. И даже представил, как в сгущающихся летних сумерках он отрешенно всматривается в гладь воды и продумывает сюжетные линии своего знаменитого романа.

Несмотря на то, что утренняя молитва закончилась, в синагоге было еще довольно людно. У входа в молельный зал стоял Эфраим. Он встречал опоздавших и говорил, чтобы никто не расходился, потому что каждые полчаса можно будет услышать шофар.

— Шалом, — крикнул он нам. — Тору слушали?

— Нет, не успели. Только пришли, — ответил Меир.

— Ясно, подождите немного. Скоро будет еще чтение.

Поблагодарив раввина, мы отошли в сторону.

— Что бы мы без него делали? — спросил Меир.

— Вставали бы вовремя, — предположил я.

Пока мы ждали Эфраима, Меир рассказал мне про новый молодежный проект, в который требовался координатор.

— Может, отправишь им резюме? — предложил он. — Что ты, в конце концов, теряешь?

— Мне нравится моя работа, — прямо ответил я. — Не хочу ничего менять. Во всяком случае, сейчас.

— Эй, парни, — окликнул нас чей-то голос.

Мы подняли взгляд на лестницу. На ней стоял пожилой мужчина с седой копной волос. Он напоминал увлеченного своим предметом ученого, которого не интересует ничего, кроме науки.

— Помогите, пожалуйста.

— Что нужно делать? — спросил Меир.

— У меня тут книги, — скрипучим голосом произнес он. — Нужно перенести с третьего на четвертый. А лифт в праздник не работает.

Я вопросительно посмотрел на Эфраима.

— Идите, конечно, — сказал он. — Это смотритель нашего музея. Я потрублю женщинам, а потом еще раз для вас.

— Спасибо вам, — сказал мужчина. — Спонсоры передали важные экспонаты. Пришлось разгрузить экспозицию. А у помощников сегодня выходной.

Мы поднялись на пару пролетов и, следуя за нашим вожатым, вошли в Зал памяти — музейное пространство, посвященное участию евреев в Великой Отечественной войне. Сбоку от двери стояли несколько картонных коробок с книгами.

— Всего на один этаж поднять, — сказал смотритель. — Извините, что в праздник пришлось.

Перетащив коробки наверх (они оказались не настолько тяжелыми, как казались), мы огляделись.

— Еще раз спасибо! — повторил он.

— Не за что, — Меир отряхнул руки и посмотрел на меня. — Был здесь раньше?

— Да как-то мельком, — ответил я. — Толком ничего не видел.

— Это Зал героизма, — пояснил смотритель. — Здесь рассказывается о том, как в годы репрессий и гонений евреи сохраняли верность традициям.

Мы молча огляделись. Мой взгляд скользнул по стенам и остановился на ряде черно-белых фотографий напротив. Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть их.

— Это раввин Гурарье, — сказал Меир.

— Тот самый? — удивился я, чувствуя, как внутри шевельнулось какое-то неясное беспокойство.

— Да, — Меир тоже приблизился к галерее. — Вот фото в синагоге, — он указал на портрет. — Вот в кругу семьи.

Я застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. К горлу подкатила дурнота, по всему телу прокатилась волна онемения.

Смотритель нетерпеливо перебирал в руке ключи.

— Ну что? Идем? А то мне еще...

— Кто это рядом? — не обращая на него внимания, спросил я.

— Дочь, — ответил Меир. — Тоже тяжелая судьба. После ареста отца так и не пришла в себя. Открыто критиковала власть, требовала выдать место расстрела. В итоге получила несколько лет лагерей. Тяжело простыла и... Похоронена где-то под Соликамском. Молодая была, — он помолчал. — И очень красивая.

Снизу раздался протяжный плач шофера. Пронзив тишину, он наконец стряхнул с меня оцепенение. Я провел рукой по глазам и снова посмотрел на фотографию.

Ошибки быть не могло. Этот взгляд я не спутал бы ни с каким другим.

\* \* \*

— Мне приснился сон, — голос Ольги звучал четко и без помех. Создавалось впечатление, будто она сидит в соседней комнате.

Я поставил телефон на громкую связь.

— Что за сон?

— Про тебя.

За окном разлилось молочное утро. Улицы утонули в тумане. Казалось, он впитался в стены домов и асфальт и вот-вот поглотит их.

— Про меня? Надеюсь, что-то хорошее?

Ольга замолчала. И молчала секунд десять. В какой-то момент я даже подумал, что туман добрался и до нее.

— Странный сон, — сказала она наконец. — Не хочу рассказывать. Просто... Бессмыслица какая-то.

— Сны в основном такими и бывают.

— Ну да. Просто... — волнение в ее голосе передалось и мне. — Будь осторожен, ладно?

— Конечно... — растерянно сказал я.

— Как у тебя дела вообще? Все в порядке?

— Да как обычно. Ничего особенного. А ты как? Привыкаешь к новой обстановке?

— В целом все хорошо, да.

Я не знал, о чем еще говорить. И Ольга, видимо, это почувствовала.

— Ладно, — сказала она. — Мне пора.

— Хорошо.

— Но ты все же... Пиши, если вдруг что.

— Само собой.

Ольга положила трубку, а я, сбитый с толку ее словами, еще некоторое время вслушивался в телефонные гудки.

\* \* \*

По полигону гулял пронизывающий ветер. Он забирался под пальто и вытягивал из меня все тепло. Ни шарф, ни поднятый воротник не спасали от его ледяных порывов.

На всем вокруг лежал тонкий слой снега. В воздухе не осталось почти никаких запахов, кроме едва уловимого аромата сосновой смолы.

Если в прошлый раз посетителей на полигоне было мало, то сегодня, кроме нас с Игорем, никого. Только едва слышно поскрипывали качающиеся на ветру ветки.

Время перевалило за полдень. В бездонной высоте октябрьского неба кружились невесомые снежинки. Запрокинув голову, я молча наблюдал за ними, пока у меня не заломило шею.

— Те, у кого тут нет близких, дважды сюда не приходят, — сказал Игорь. Из его рта выплыло облачко пара, которое ветер тут же отнес в сторону. — Обычно. Я, по крайней мере, таких не помню. Возвращаются только те, чья кровь «взывает к ним из земли». Родственники. Или наоборот.

— Что еще за наоборот?

— Те, кто эту кровь пролил.

— И такое бывает?

— А как же? Ты думаешь, просто это? Человека жизни лишить? Лишить, может, и просто, а жить с этим дальше — не всегда.

Фотографии на деревьях тоже слегка присыпало снегом. От этого лица на них стали почти неузнаваемы.

— И как отличить одних от других?

Игорь задумался, повел плечом и ответил:

— По глазам. Только так и можно.

Я подумал о Дине. Читалось ли то, о чем говорит Игорь, в ее взгляде? Вполне возможно. Только тогда я не придавал этому значения. Принял за какую-то невысказанную мысль или эмоцию.

Время шло, а я так и не задал вопрос, ради которого приехал. Как всегда случается в подобных ситуациях, правильные слова подбирались с трудом.

— А бывает, что тут происходит что-то... странное?

Игорь посмотрел мне в глаза и долго не отводил взгляда.

— Бывает. Время от времени всякое...

Я достал из кармана распечатку — увеличенную копию фотографии с Бронной.

— А эту девушку тут не видели?

Игорь развернул сложенную бумагу, посмотрел на черно-белый портрет и какое-то время молча изучал его.

— Сколько лет этой фотографии? — спросил он после долгой паузы.

Под его испытующим взглядом я почувствовал себя неуютно.

— Других не было.

Он откашлялся, помял в руках сигарету.

— Зря ты сюда вернулся, парень, — сказал он. — Тут на людей всякое находит, — Игорь вернул мне распечатку. — Место такое. Особенное.

\* \* \*

Отогрелся я только в душе. И хотя физически, после часа под горячей водой, от холода не осталось и следа, мышечная память еще хранила воспоминания о пробирающем до костей ветре. Поэтому, несмотря на заполнивший ванную пар, я все стоял под обжигающими струями, боясь выключить кран.

После ужина я плеснул в бокал немного виски, выпил его чистым, без льда, и забрался под одеяло. Посмотрел какой-то голливудский фильм с шаблонным сюжетом, погрыз соленые орешки, затем выключил свет и попытался заснуть.

Снегопад усилился, а ветер, наоборот, стих. Наблюдая за игрой света на стене, я думал о сегодняшнем дне. Несмотря ни на что, сегодняшняя поездка на полигон все же была необходима. Хотя бы ради того, чтобы поставить точку в этой истории.

Усталость накатывала волнами. Покачиваясь на них, я не заметил, как провалился в сон

Мне ничего не снилось. Вокруг просто сгустилась тьма, и я увяз в ней, как в смоле.

Среди ночи меня разбудил телефонный звонок. Обычно я отключаю телефон. А сегодня почему-то забыл.

С трудом разлепив глаза, я нащупал телефон и посмотрел на экран.

Незнакомый номер. Два часа ночи.

Первое желание — сбросить вызов. Вслед за этим — мысль: раз уже проснулся, может, ответить?

Я ответил на вызов и поднес телефон к уху.

— Алле?

В тишине пустой комнаты собственный голос показался чересчур громким.

В динамике что-то зашуршало, пошли помехи.

— Алле?! — снова повторил я и резко сел на кровати.

Сон сняло как рукой. Боясь спугнуть не успевшую оформиться мысль, я молча вслушивался в помехи на линии. В какой-то момент мне стало казаться, что я слышу, как бьется сердце у меня в груди.

Прошло несколько долгих минут. Затем тишина безо всяких причин оборвалась, и в динамике раздались короткие безжизненные гудки.

\* \* \*

В середине декабря руководитель компании, где я работал, организовал традиционный корпоратив. Арендовал хороший ресторан, пригласил известного стендап-комика, завез оборудование для караоке.

Я не очень люблю подобные мероприятия. Точнее — не люблю совсем. Все во мне противится атмосфере таких вечеринок: напыщенным физиономиям начальства, фальшивым улыбкам коллег. После того как все напиваются, становится совсем немого. Но не прийти совсем было бы просто невежливо.

Так что обычно я отсиживаю обязательную часть и незаметно ухожу. Сегодня я планировал поступить так же.

Прихватив с собой недопитый бокал виски, я устроился на диване в углу, надеясь уйти, когда все перейдут к караоке. Народ уже порядком набрался, официанты принесли кальяны, и на меня мало кто обращал внимания. Над столами поплыли клубы дыма. Воздух наполнился приторным запахом табачных смесей. Караоке еще не включили, но в колонках уже ухал бас популярной мелодии из хит-парада недели. Перекрикивая друг друга, сотрудники компании произносили очередные тосты.

Я отпил из бокала и посмотрел в окно. На улице уже зажгли фонари. Город плыл в их дрожащем огне, словно огромный океанский лайнер посреди ночного океана. На палубе — музыка и танцы, за перилами — безбрежная, безразличная ко всему тьма.

Поток машин ослаб. Прохожих тоже стало меньше. Мокрый снег лип к окну, таял и медленно стекал вниз.

Я присидел так с четверть часа. Погрузился в собственные мысли и не заметил, как лед в бокале успел растаять.

В колонках сменилось несколько композиций, но если бы меня попросили сказать, каких именно, я бы не вспомнил.

Я взглянул на празднующих коллег (вечеринка только набирала обороты), а когда снова посмотрел в окно, то мой взгляд уцепился за нечто, что заставило меня похолодеть.

Возможно ли это? Те же волосы, та же походка, то же пальто! Я тут же отругал себя, что секунду назад обернулся и не успел разглядеть лицо. И теперь видел ее лишь со спины.

У кого еще может быть такое пальто? Это она! Конечно, она!

Опрокинув бокал, я вскочил с дивана. Боясь потерять ее из вида, выбежал на улицу. Забыл о куртке. И обо всем на свете. Огляделся по сторонам, заметил удаляющийся силуэт. Расталкивая прохожих, побежал за ней.

Выкрикнул ее имя. Но она не услышала.

Не оборачиваясь, шла вперед.

Прохожие с удивлением смотрят на меня. Кто-то предлагает помощь.

Глотая холодный воздух, с новой силой бросаюсь за ней.

«Сворачивает в переулок! — застучало в висках. — Ничего, успею. Нужно только быстрее бежать».

Поскальзываясь, падаю, встаю. Не чувствуя боли, бегу дальше. Наконец поворот. Сворачиваю в переулок.

— Дина!

Мой крик эхом отражается от стен и возвращается ко мне. Добегаю до конца переулка. Упираюсь в набережную. Река скована льдом. Только в темных полыньях плещется вода.

Сердце выскакивает из груди. Какое-то время пытаюсь восстановить дыхание. Из рта валит пар. Я в одном свитере, но мне жарко. Не верю, не могу поверить, что упустил ее.

Мой взгляд скользит по стенам. Замечаю какую-то мемориальную табличку на углу. Текст виден отчетливо, но сознание слишком перегружено, чтобы вчитываться в него.

Покачиваясь от усталости, возвращаюсь назад. Ветер бросает мне в лицо россыпь мокрых снежинок. Растираю их рукой, чувствую, как покалывает и горит кожа.

У входа в ресторан стоят коллеги. Дым их сигарет держится в воздухе, словно сонный дракон, пожирающий собственный хвост.

— Тема, где ты был? — спрашивает меня один из них.

— Вышел продышаться, — бросаю я первое, что пришло в голову. — Что-то перебрал.

— А что с голосом? Когда успел простыть?

\* \* \*

Прошло несколько дней. Я без конца прокручивал в голове случай на корпоративе. И дома, и на работе, и в дороге. Меня бросало из крайности в крайность. Порой я почти убеждал себя, что ошибся. Но что-то мешало окончательно смириться с этой мыслью. Каждый раз я начинал заново строить догадки. И каждый раз приходил к противоположным выводам.

Если все, что с нами происходит, ведет нас к какой-то цели, то к чему вел тот случай? И правильно ли вообще искать во всем смысл? Или в этом стремлении присутствует какая-то системная ошибка? В конце концов, в научных теориях всегда учитывается фактор случайности. Почему же я полностью исключил его? Наверное, потому, что слишком долго думал обо всем этом. Подсознание иногда проделывает с нами странные штуки. Нужно просто отпустить ситуацию, переключиться на что-то другое.

Погрузившись в собственные мысли, я заточил все карандаши в стакане.

— Ты в порядке? — спросил меня дизайнер Костик, увидев гору мусора на столе.

— Да, — отвлеченно ответил я. — Наверное...

Брови на лице Костика изогнулись дугой.

— Может, нарисовать тебе справку от врача? Отдохнешь. У меня всегда прокатывает.

Я смахнул мусор в ведро.

— Да нет, не нужно. Спасибо.

— От настоящей не отличишь.

— Круто.

— Тебе за полцены сделаю, — он откинулся на спинку кресла. — Это у меня подработка такая. Справки рисую. Флайеры, листовки, таблички разные.

При этих словах у меня в голове что-то щелкнуло. Будто по оборванному проводу снова пустили электричество.

Табличка! На том доме, в переулке, тоже висела какая-то табличка. Или мемориальная доска.

Подчиняясь какому-то неясному движению души, я открыл поисковик. Забил адрес, включил панорамы улиц. Повторил свой маршрут. Отыскал мемориальную доску на углу дома. Увеличил разрешение.

И почувствовал, как сжался желудок, а к горлу подкатил неприятный комок.

Глаза забегали по строкам:

«...в этом доме... в 1935—1942... старший лейтенант управления НКВД Москвы и области... командовал батареей мотострелковой дивизии особого назначения... награжден орденами...»

Мне вдруг стало тяжело дышать.

— Так что? — снова спросил Костик. — Рисовать?

Я потер намокшие ладони о джинсы. И несколько секунд рассеянно разглядывал крупные черты его лица.

— Рисуй. На завтра.

\* \* \*

В полумраке подъезда пахло хлоркой. Видимо, уборщица недавно помыла лестницу. Через арочное окно лился неясный серый свет. Я поднялся на несколько пролетов и остановился у высокой, выкрашенной в темно-красный цвет двери. Рука сама легла на звонок, но нажать на него оказалось труднее, чем я думал. В конце концов мне удалось побороть себя, и до моего слуха донеслась короткая приглушенная трель. Прошло бесконечно много времени, прежде чем за дверью послышались чьи-то шаркающие шаги. Щелкнул замок. Дверь приоткрылась. В ее проеме возник старик.

Одет в вылинявшую рубашку и спортивные штаны. На ногах — стоптанные тапочки.

В руках — деревянная трость. Лицо избородили морщины. Седые волосы спутаны. У них желтоватый, неприятный оттенок. Выцветшие глаза цвета мокрого пепла с безразличием уставились на меня.

— Вы к кому?

Его надменный голос сбивает меня с толку, но я быстро беру себя в руки.

— Я из «Жилищника». Вам звонили.

— А... — старик качает головой. — Да, кто-то звонил.

— Это новый проект мэрии. Собираем жалобы на содержание дома и благоустройство прилегающих территорий с учетом нужд пенсионеров. Не каждый может прийти. А нам важно учитывать все мнения.

— Ну, проходите, проходите.

В квартире пахнет кошкой. Оранжевый свет абажура отражается на затертых обоях, создавая иллюзию, что они запачканы жиром. Под ногами скрипит старый паркет. Узкий коридор заставлен картонками со всяким барахлом.

Мы проходим в некогда просторную комнату с занавешенными окнами. В ней тоже нет свободного места. Стены в фотографиях и картинах, на полу стопки книг и журналов. Шкаф ломится от книг. Полки уставлены сувенирами и открытками. На письменном столе — несколько грязных кружек, тарелки, квитанции, подборка бесплатных газет.

Старик тяжело опускается в кресло. Ставит рядом с собой трость. Вопросительно смотрит на меня.

— Совет жильцов присылал нам жалобу на отсутствие пандусов.

— Я почти не выхожу из дома. Пандусы меня не интересуют.

— Но наверняка есть что-то, что вас не устраивает.

Оценивающий взгляд старика вызывает у меня чувство, будто я нахожусь на допросе.

— Есть, — старик перекладывает руки на трость.

Я достаю блокнот. Показательно щелкаю ручкой.

— Почему у вас столько мигрантов работает?

— Простите?

Его худые пальцы стучат по наконечнику трости.

— Что, русских людей не осталось?

До меня начинает доходить, но я решаю промолчать.

— Вы их хотя бы проверяете?

— В смысле?

— Кто знает, чем они болеют?

Хочется уйти, но раз судьба завела меня сюда, нужно вытянуть из него больше информации. Второго шанса, вероятно, уже не будет.

— Если я вас правильно понимаю, вы жалуетесь на недобросовестную работу трудовых мигрантов?

— И на тех, кто их сюда привозит.

Многозначительно повожу бровью.

— Вы эти фамилии видели? — спрашивает старик.

Он хочет что-то добавить, но сдерживается.

Его глаза сканируют меня с ног до головы. Возможно, неславянские черты моего лица заставляют его более тщательно подбирать слова.

— Не очень понимаю.

— Прекрасно понимаете.

В воздухе повисает пауза. Прилагаю все силы, чтобы держать себя в руках. Внутренний голос подсказывает, что я нащупал верное направление, но нужно быть аккуратным. Нельзя хвататься за эту нить слишком сильно, чтобы не затянуть узлы.

Нужно, чтобы старик продолжал говорить.

— Сталкивались с некорректным поведением наших сотрудников?

Он пропускает мой вопрос мимо ушей.

— В наше время такого бардака не было.

Разговор не клеится. И мы оба это чувствуем.

Обвожу стены взглядом. Замечаю несколько фотографий молодого мужчины в военной форме: студийный портрет, фото в окружении сослуживцев, пейзажная фотография. Она привлекает взгляд больше других. Лес за спиной мужчины кажется мне знакомым. По спине пробегает холодок. Не уверен, но, кажется, различаю там выкрашенный в зеленый цвет забор.

— Ваш отец? — спрашиваю я.

Старик кивает. Его заостренное лицо озаряется улыбкой. Видимо, воспоминание об отце доставляет ему удовольствие.

— Мемориальная доска на углу в память о нем.

Делаю вид, что удивлен.

— И квартира эта тоже, — он делает круговое движение рукой. — За службу. Раньше тут жили только сотрудники, партийная верхушка. А сейчас... — старик поджимает губы, — кого только нет.

Он снова бросает на меня взгляд, но быстро отводит глаза.

Тишина между нами пульсирует смыслами. Я почти слышу, как темные, змеиные мысли шевелятся у старика в голове.

— Так что написать в анкете? — после короткой паузы спрашиваю я.

— Что хочешь.

Он уже переходит на «ты».

— То есть жалоб нет?

— Про жалобы я уже сказал.

Пытаюсь найти повод продолжить разговор. И не нахожу его. Чувствую себя как на проваленном экзамене, но ничего не могу с этим поделаться.

Всем своим видом старик намекает, что мне пора.

— Что ж... — разочарованно говорю я. — Наш телефон у вас есть. Вы можете звонить в любое время.

— Скажи своим, чтобы не топили так сильно. Дышать нечем.

— Конечно.

В висках стучит вопрос: зачем я сюда пришел? Посмотреть на квартиру энкавэдэшника, приводившего в исполнение приказы о расстреле несчастных, которых советская власть сочла врагами? Ну, посмотрел. И что теперь? Он давно в земле. Как и его жертвы. И старик вскоре отправится за ними.

Пишу в блокноте каракули, закрываю его и убираю в сумку.

— Что-то еще, кроме отопления?

Старик отрицательно качает головой.

— Спасибо за ваш отзыв.

Старик безразлично пожимает плечами.

Выдавливаю из себя подобие улыбки.

— Всего доброго.

Только сейчас до меня доходит вся абсурдность ситуации, в которую я себя загнал. Лучшее, что можно сделать, — просто уйти. Не нужно было вообще приходить сюда.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Чувствую, как глаза старика буравят мне спину.

— Дверь просто захлопни.

— Конечно.

В коридоре меня встречает кот. Такой же худой и неряшливый, как и хозяин. Белый с серыми пятнами. И даже светло-голубые глаза чем-то напоминают глаза старика. Кот сидит на кипе коробок и не сводит с меня взгляда.

Когда я прохожу мимо, он вдруг решает перепрыгнуть на книжную полку, но не рассчитывает траекторию и повисает на краю, пытается зацепиться за книги и обрушивает их на пол.

— Что за шум? — несетя из комнаты голос старика.

— Кот полку обвалил.

— Вот сволочь!

Слышу, как он кашляет, скрипит креслом и поднимается.

Пока старик идет, кот предусмотрительно перебирается на шкаф и прячется среди пакетов с верхней одеждой.

Краем глаза смотрю на упавшие книги. Одна обложка привлекает внимание больше других. Присматриваюсь и чувствую, как меня бросает в жар.

Не отдавая себе отчета — зачем? — нагибаюсь, хватаю книгу и прячу ее за спину. Успеваю проделать это до того, как физиономия старика появляется в дверном проеме.

— Где эта гадина?

Жалею кота. Внезапно во мне просыпается солидарность с ним.

— Куда-то запрятался. Я не заметил.

— Ладно, — старик шарит взглядом по коридору. Книги его почти не интересуют. — Захочет жрать, выберется.

— Конечно, — одергивая рубашку, говорю я. — Помочь поднять книги?

— Оставь. Тут одно старье.

Пячусь к выходу. Набрасываю пальто. Стараюсь почти не дышать. И только когда за моей спиной захлопывается входная дверь, перевожу дыхание и смахиваю со лба выступивший пот.

\* \* \*

На улице шел снег. Он скрыл всю грязь, сделал переулок белым. Благодаря его плотному настилу звуки улицы стали приглушенными и чуть менее резкими.

Я возвращался той же дорогой, которой пришел. И только через квартал решил вытащить книгу из-за пояса — мне все казалось, что сейчас старик хватится пропажи, высунется из окна, начнет кричать и заставит меня вернуть ее. Я быстро пролистал несколько страниц и сунул ее в рюкзак. Испугался, что снежинки повредят пожелтевшую от времени бумагу.

Интуиция подсказывала, что я стал частью какой-то огромной головоломки, которая только что полностью сложилась. Не помню, какое расстояние я прошел, прежде чем решил заказать такси.

К счастью, водитель попался неразговорчивый, и музыка, которую он слушал, не мешала мне собраться с мыслями.

За окном проплывал заснеженный город. Пробки стали длиннее, но я был этому даже рад — вжался в сиденье, вытянул ноги и закрыл глаза.

Минут через сорок водитель высадил меня возле Бронной.

В синагоге почти никого не было. В молельном зале царила тишина.

Я поднялся на четвертый этаж, осторожно открыл дверь в Зал героизма. Смотритель вспомнил меня и поприветствовал первым:

— О! Какими судьбами?!

— Вот хотел посоветоваться.

— С радостью! Чем могу?

Я снял с плеча рюкзак. Достал книгу и протянул ему.

Смотритель заинтересованно пробежал взглядом по обложке. Перелистнул несколько страниц.

— Откуда это у вас?

На его лице застыло изумление.

— Я бы предпочел не рассказывать.

— Очень старый сидур<sup>7</sup>. Но дело даже не в самой книге, — он указал мне на штамп на титульной странице, — а в этом гербе. Просто поразительно!

<sup>7</sup> Сидур — сборник молитв и благословений.

— А что в нем такого?

Смотритель оторвался от книги и посмотрел на меня.

— Не берусь утверждать с полной определенностью... Конечно, нужна экспертиза. Но похоже на экслибрис раввина Гуарье. Вероятно, при аресте сидур позволили оставить — решили поиграть в лояльность, а уже на допросе изъяли.

Мы оба замолкаем. И молчим, наверное, с минуту. Каждому есть о чем подумать.

— Что будете делать с книгой? — словно очнувшись, спрашивает смотритель.

— Ее место здесь, — отвечаю я.

Он весь светится, словно ребенок, которому подарили щенка.

— Спасибо... Вы не представляете, насколько это ценный подарок...

Молча киваю.

— И все же, может, расскажете, как этот сидур попал к вам?

— Слишком долгая история...

— Ну может, когда-нибудь?

— Может быть.

Я перевожу взгляд на семейную фотографию раввина Гуарье.

Дина улыбается и выглядит такой счастливой...

И чем дольше я смотрю на снимок, тем больше мне кажется, что она улыбается только мне одному.